

УДК 37+7.01

Кокшенева К.А.

**ИВАН ИЛЬИН О НЕСОВМЕСТИМЫХ ВЕЛИЧИНАХ:
ОТ «РАВЕНСТВА ПЕСКА» К КУЛЬТУРЕ ДАРА**

Аннотация. Статья представляет собой анализ современной культуры и произведений искусства с позиций философских взглядов И.А. Ильина.

Ключевые слова: культура, Ильин, художественность, священность, авангард, радикальное искусство, акционизм.

Прочитаны ли, впитаны ли, развиты ли сегодня «Основы христианской культуры» Ивана Ильина? Ответ будет скорее отрицательным. Отрицательным потому, что существенные смыслы христианской культуры приобрели в современности инфляционно-обывденный характер. Всякий может запустить руку в христианскую сокровищницу и вытащить из нее все, что ему заблагорассудится. Карикатуры на святых — этот деструктивный акт — и мировое управляемое безумие под лозунгом свободы слова, свободы искусства, свободы жеста говорит о том, что христианскому «касанию мирам иным» противостоит тотальная трансформация мира культуры. Ильин это видел и понимал, когда со всей определенностью говорил: «В пределах самого христианского человечества образовался широкий антихристианский фронт, пытающийся создать нехристианскую и противохристианскую культуру». Нет никакой нужды доказывать сверх-актуальность этой мысли философа — сама реальность вопиет о ее правде.

Не так давно в передаче телеканала «Культура» критик заявила: «Мы — страна не свободная. Слишком много у нас сакральности». И вот уже «Независимая газета» дает статью, где автор делает выволочку Президенту России за его слова: «для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение».

Если человек христианской и русской культуры легко понимает что есть сакральное измерение ее, если для него реальна душа, подвиги духа, — то для антихристианского сознания все это только мистика, совсем не отличимая от дешевого оккультизма.

Наше время только усугубило во многом интуиции Ивана Ильина.

Безрелигиозная и обезбоженная, античеловечная культура современности создает «искусство», представляющее собой шокирующее зрелище: начиная от размещения на улицах магнитов с целующимися людьми одного пола до банок с синими клизмами наверху, имитирующими купола церквей. Или нам говорят: в этом спектакле по роману Достоевского демонстрируется «жесть»: садомазо, гендерные перевертыши, некрофилия, гомосексуальность. И это хорошо, — говорит критик М. Давыдова, потому как подано режиссером целомудренно. Но тот факт, что классика при этом начинает служить целям разрушительным — классика начинает работать против христиан и быть локомотивом дегуманизации культуры — это уже критика не интересует, ведь пространство современной культуры для нее априори не знает никаких национальных смыслов. Режиссер, — говорят нам, это патологоанатом! Он высвобождает энергию у зрителей, снимая табу на материале Достоевского. Такое *потрошение классики* в стиле модных европейских трендов, лишаящих свое своего — такое Иван Ильин называл «завистливой судорогой ...слепого рассудка».

Современный культурный рынок все чаще выбраковывает объем культуры и искусства — их «третье измерение». А это — сокровенность (священность), художественность, человечность, предметность, о которых говорит Ильин. Им противопоставлены деконструкция и хаотизация, чужеродность и противоестественность. Мы видим настоящую публичную ревизию художественности и человечности: чем более умопомрачительны будут арт-объекты, чем более зубодробильны инновационные театральные постановки и другие так сказать произведения, порожденные «креативным потоком сознания», тем более жгучими будут вопросы о христианской и национальной культурной норме.

Общественный конфликт с такого типа инновационной культурой очевиден и приобретает все больший градус накала: с одной стороны, мы все время слышим об оскорблении религиозных, национальных, да и элементарных человеческих чувств, с другой — нам постоянно талдычат о том, что художник абсолютно свободен в своем творчестве и это его неприкосновенное «священное право». Новейший скандал, приведший, однако совсем не к виртуальной крови, с карикатурами журнальчика *Charlie Hebdo*, как никакой иной после скандала с *Pussy Riot*, обнаружил две баррикады противостояния.

Защита новаторской продукции (и защита свободы на ее изобретения) набирают обороты. Но неизбежно будет набирать силу и защита права на традиционные ценности. А поскольку культура не знает равенства («равенства песка») и в ней живет естественное неравенство, то нам сподручнее опираться не на мнение палача икон Тер-Оганяна, а на мнение Ивана Ильина. Спросим Ильина, как он понимает высокое в культуре и искусстве: «...христианин призван не бежать от мира и человека, отвергая и проклиная их, но ...создавать христианскую культуру на земле... Внутреннее, сокровенное, духовное решает вопрос о достоинстве внешнего, явного, вещественного. Ныне это должно считаться аксиомой всякой культуры и особенно христианской культуры. Христианин не верит в культуру без любви... Христианин ищет не пустой формы, а наполненной; он ищет не мертвого механизма, а органической жизни ...».

Итак, мы можем утверждать, что художественность (не только христианская) заключает в «осмысленный образ как собственную *идеальную* возможность», как органичность, искренность, наполненность (Гегель и Ильин, написавший о немецком философе отдельный труд). Эстетическое (понимание и восприятие красоты) органически свойственно человеку. Художественность и священность-сакральность могут пребывать в небрежении, но когда их отвержение становится массовым, то сама по себе эта тенденция есть предвестник гибели, упадка и неблагополучия в культуре.

Произведение искусства, конечно, может изображать и «ужасные», и трагические сюжеты, но в качестве неизбежной внутренней задачи сквозь ужас светит красота, как благой и целостный прообраз мира. Трагедия есть начало жизнеутверждающее! Кто из современных акционистов это в состоянии понять? Боюсь, что никто. А Иван Ильин понимал. Таким образом, безобразных произведений искусства быть не может по определению. Красота есть существо искусства как акта творческой деятельности. Творческая деятельность есть акт высокий, преображающий, включающий в себя и творческую волю. И если перед нами безобразное, то это не искусство. «Претворение страшной эмпирики в совершенную художественную форму происходит благодаря подвигу художника» (Р. Гальцева), благодаря силе претворяющего таланта, которую Ильин называл «огнями личной жизни». Это не творчество, если место рождения произведения искусства занимает мозговой эксперимент, это не творчество, если перед нами лабораторная, измучившая сама себя больная фантазия; это не творчество, если перед нами имитация неких психоделических видений или комбинаторика коллажей из кем-то созданных смыслов и ценностей, которые предварительно опускаются, раздираются, уничтожаются, а потом составляются в арт-объект по полнейшему безответственному и бессмысленному «авторскому» своеволию акциониста.

Никто не спорит, что искусство всегда развивалось и менялось. Но радикальное искусство тоже всегда вызывало недоверие. Однако почему-то сегодня сверхактивно это самое охранительное недоверие принято ставить в вину и в упрек классическому вкусу и традиционному взгляду. На самом-то деле, эти фильтры традиции и вкуса, — и есть спасительная опасливость, есть предохраняющий барьер, есть естественная охранительная функция человеческой консервативности, которая «обязана стеречь священные границы и всячески препятствовать вторжению на территорию подлинного искусства подрывных элементов и контрафактной продукции» (Р. Гальцева). Современные арт-практики выпадают, собственно, за пределы эстетической сферы — из области художественного. Они являются под-искусством, не-искусством, часто свидетельствуя о примитивизации и варваризации художественных приемов. Но важнее всего для них радикализация. Совершенно ясно, что эта модная тенденция имеет роковую логику: они пройдут до своего аннигилирующего конца, претерпев то, что в Апокалипсисе названо «второй смертью» (Откр. 20:14).

Очень важно обстоятельство, что авангард и радикальные формы культуры давно вышли собственно за границы искусства. Что я имею в виду? Например, можно вспомнить дадаистов начала XX века. Так, например, Андре Бретон заявлял: «Европейскую культуру необходимо

уничтожить через разложение искусства», через «разрушение какой бы то ни было эстетики», то есть красоты. Современный философ Андре Глюксман свое послание к человеку формулирует безнадежно и зловеще: «Помни, что тебе присуще зло!». А добро? Добро ему присуще? Акционизм этот вопрос не способен задавать.

Авангард и радикальное искусство отказались от своей сути и миссии — быть искусством, но свою «новую миссию» видят в том, чтобы служить неким раздражительным рычагом, постоянно требующим общественного переформатирования. «Незаинтересованное созерцание красоты» — это больше не их профиль. Достаточно вспомнить описание украинского майдана нашими критиками — они видели там *радикальные формы акционного искусства, радикально же воздействующего на реальность*. Зрителей же такие формы неискусства *буквально принуждают к «эстетическому и эмоциональному протесту»*; мне уже приходилось писать, что защитники свободы для себя нагло нарушают свободы публики, переходя границу личностного пространства зрителей. Но, к сожалению, многие наши и губернаторы, настолько боятся показаться консерваторами, что всеми силами души и государственного кошелька поддерживают такие проекты.

А вот публика наша все чаще и чаще не боится проявить своей «косности», демонстрируя полное невнимание к таким экспериментам. Но новаторы не сдаются, удесятывая пропагандистские усилия. Они насильно ломают природу человека, чтобы он потерял нормальную способность к различению добра и зла, красоты и безобразия. Им это выгодно. «Пока *насильно* не привьешь вкус к какому-то навыку — ничего не получится», — заявил как-то Евгений Миронов в «Российской газете». Вопрос — к какому навыку и почему же насильно? Но теперь очевидно, что акционизм и современные формы его требуют именно насилия.

«Современный человек, — говорит психолог В. И. Слободчиков, — психически здоров, но личностно болен». Носители нового культурного сознания обычно становятся диктаторами аморальности и бессмысленности человеческого существования. И все чаще и чаще такие установки реализуют через культуру и искусство. Арт-авангард ставит своей задачей формирование другой «структуры сознания» у всяких *непродвинутых* граждан и говорит им устами артистов, и некоторых чиновников: «Мы вас заставим понимать язык современного искусства!» Любой психолог нам скажет: природу человека (личностное глубинное генное ядро) изменить нельзя, а вот испортить, исковеркать, испошлить ее можно.

И естественно современные арт-проекты и их носители категорически настаивают на своей внациональной общемировой принадлежности, им выгодно быть гражданами мира по многим причинам, которые мы тут упустим, кроме одной — за предательство щедро платят на мировом рынке арт-культуры.

Для русской философской традиции в лице Ивана Ильина несомненно, что «национальное чувство не только не противоречит христианству, но получает от него свой высший смысл и основание... У каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Так, каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему ленится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет и отчаивается; по-

своему улыбается, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует; по-своему воюет... Он по-своему возносится и падает духом; по-своему организуется. У каждого народа иное, свое чувство права и справедливости; иной характер, иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале; иная политическая мечта; иной государственный инстинкт. Словом: у каждого народа иной и особый душевный уклад и духовно-творческий акт. И у каждого народа особая, национально-зарожденная, национально-выношенная и национально-выстраданная культура» (выделено мной — К.К.). Какие слова! Гимн национальному и уникальному лицу народов. Это подлинное восстание Ильина против «равенства песка» мировых антинациональных сил. Культура против мирового всесмешения заключает в себе органический дар, который есть «богатство исторического сада Божия», дар «просиявшего в мире *духовного различия*».

Ильин, по сути, выступает против нынешнего авангарда-неискусства: он за реальное разнообразие культур, он за творческий акт, который немислим без питания красотой и силой национального духа.

С этой позиции современные арт-практики это вообще не искусство, а потому смешно говорить и о свободе их творчества. Как можно требовать и дать свободу тому, чего нет! Они есть только и исключительно только акционизм, для которого главное — это высказывание, это прямое воздействие на общество и человека. Их проекты есть акция по возбуждению, изменению, обострению, радикализации, опошлению, озлоблению человеческого сообщества или конкретного человека. Для них главное — это пропагандистская функция, и прямое действие-высказывание (например, Театр ДОС никогда не относился к собственно *искусству* театра).

Нынешний передовой антикультурный отряд — арт-мейнстрим — демонстрирует даже и не «апокалипсис мелкого греха». Он отказался от красоты и от намерения приносить эстетическую, художественную радость. Они несут идеологию злорадства, они связаны не с наслаждением красотой, а с отвращением и извращением. Они наполняют высокие образы, созданные и отточенные в веках символы, элементами низости и подлости, они вживляют в них яд, стеб, глум. Ими часто водит ненависть. И отнюдь не эстетическая. Та система отказов, которую совершил современный художник, оставив себе только свободу, привела его к роковой черте. Опасная тяжба с капризной дамой по имени Свобода, современными акционистами проиграна. Они — ее рабы, втянутые в безумный круг борьбы с вековыми пластами национальных культурных традиций и норм, для установления по личному хотению и произволу «своих правил». Свобода сожрала все: смыслы и содержание, общезначимые коды и символы, трагически отменила ценности, а потому уже не влечет вверх такого «художника», но с невероятной силой тянет все ниже и ниже. В бездну. К карикатуре.

Недавняя акция на шоу в Голландии, когда ведущие отобедали мясом друг друга в прямом эфире телеканала BNN, пожалуй, все же еще не остановит акционистов...

Я, естественно не против свободы, но вот только христианское, ильинское ее понимание другое.

И последний вопрос: есть ли у нас современное актуальное искусство, которое является не высказыванием и акцией, а именно искусством? Да, конечно, это художники Валерий Харитонов и Юрий Шмелев, Юрий Воронов и Валерий Страхов, Сергей Элоян и Дмитрий Санжиев, скульптор Сергей Сорокин, писатели Вера Галактионова и Лидия Сычева, Зоя Прокопьева, Михаил Тарковский, Борис Агеев, режиссеры Валерий Тимощенко и Сергей Зайцев, Сергей Женовач и Николай Дручек. Дух творчества жив. Жив, жив курилка! Жив, жив, не умер — так приговаривают в одной русской традиционной игре. Жив Иван Александрович Ильин. Он в строю той культуры, которая имеет достоинство и знает о даре.

© Кокшенева К.А., 2015.

Статья поступила в редакцию 15.10.2015.

Кокшенева Капитолина Антоновна,

доктор филологических наук, кандидат искусствоведения,
Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН (Москва).

UDC 1(091)

Koksheneva C.

**IVAN ILYIN ON THE INCOMPATIBLE VALUES: FROM 'EQUALITY OF SAND'
TO THE CULTURE OF GIFT**

Abstract. The article is an analysis of contemporary culture and art from the standpoint of I.A. Ilyin's philosophical views.

Key words: culture, Ilyin, art, sacredness, vant-garde, radical art, actionism.

Koksheneva Capitolina Antonovna,

D. in Philology, Ph.D.,

Gorky Institute of World Literature (Moscow).